

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-008-0262

ISBN 978-5-907307-37-7

© ООО ТД «Никея», 2021

Содержание

Павел Засодимский	
Терехин сон. <i>Святочный рассказ</i>	9
Павел Андреевский	
Ночь перед Рождеством	46
Николай Лейкин	
Новый год	62
Надежда Лухманова	
Девочки. Воспоминания из институтской жизни. (<i>Отрывок</i>)	68
Константин Станюкович	
Вроде святочного рассказа	83
Алексей Будищев	
Светлый гость	101

Алексей Будищев	
Было на разуме	128
Алексей Будищев	
Кошмар	138
Надежда Лухманова	
Вне жизни	166
Игнатий Потапенко	
Бурная ночь. <i>Рождественский рассказ</i>	181
Георгий Северцев-Полилов	
У иордани. <i>Картинка</i>	196
Александр Чехов	
Цепи.	202
Казимир Баранцевич	
Рождественский сон	218
Георгий Гребенщиков	
Синяя птица	228
Игнатий Потапенко	
Одиночество	248

Алексей Будищев
В разгар Святков. *Святочное происшествие* . . . 273

Николай Агафонов
Да исправится молитва моя. (*Отрывок*) 283

Павел Засодимский
(1843–1912)

Терехин сон
Святочный рассказ

Терентий только что отужинал. Он сидел молча и задумчиво смотрел, как жена убирала со стола и сметала с него хлебные крошки.

— А надо быть, завтра придется за хлебом к Кузьмичу идти, — проговорил он, почесывая затылок.

— Да как же... знамо, придется! — отозвалась Марина. — Муки нисколючко нету... хошь бы тебе горсточка осталась... Вся в квашню ушла вчерась.

— Ну, уж и Кузьмич!.. А-ах! — продолжал Терентий, потряхивая головой. — Ужо сдерет он с нас... Без соли солоно станет... Высчитает...

— В этакой голодный год людям — горе, а им, каторжным, раздольице, вишь! Поди, мошну-то набьет... Невпроворот... Леший толстопузый!

— Набьет! Как не набить... — решительно поддакнул Тереха и замолчал.

Жена ушла за перегородку и шибко застучала там кринками.

— Вот разве от начальства из управы¹ пособие выйдет, — немного погодя, как бы в утешение себе заговорил Тереха. — Сказывают, будто выйдет... Вон Васька Хорек говорит, сам онаменись в городе, на базаре, слышал...

— Дождидайся! — проворчала Марина из-за перегородки. — До той-то поры еще десять раз помрешь...

Опять молчание.

В светце горела лучина, слегка потрескивая и роняя искры на щелеватый пол. Красноватый, брезжущий свет расходился по избе; видны были закоптелые бревенчатые стены, большая закоптелая печь, полати и свесившийся с них край обтерханного овчинного полушубка. Мороз затейливо разрисовал белыми, льдистыми узорами маленькое оконце... Худой и жалкий рыжий кот сидел на лавке и тихо мурлыкал. Явственно было слышно, как на улице заскрипели полозья: знать, проехал кто-нибудь. Терентий наклонился к окну и поглядел в него через просветы, оставшиеся на стеклах кое-где между льдистыми узорами.

.....
¹ Имеется в виду земская управа, в обязанности которой входила поддержка крестьян хлебными ссудами в неурожайный год или во время стихийных бедствий.

— Вызвездило... — промолвил он. — Видно, опять мороз закрутит...

— И студено же стало у нас нонче в избе! — отозвалась жена, все еще продолжая рыться за перегородкой. — Пряла вечер, так ноженьки просто застыли — не приведи Бог! Маёта!.. Как зачнуть ныть — моченьки нет... С полу-то уж больно несет.

— Как не нести! — согласился Тереха. — Вон ведь в углах-то — промерзает... Старое строенье! Известно...

И опять замолчали. Тихо в избе. Только рыжий кот тянет свое однообразное, бесконечное «мры», «мры». И вправду — в избе холодно. Припахивает дымом от лучины.

— Полно возиться-то, будет... спать пора! Петухи, гляди, скоро уж вдругорядь запоют, — проговорил Тереха, позевывая, и изо рта у него повалил белый пар.

— Так чего ж! Спать, так спи! — сказала Марина. — А я сейчас...

Тереха забрался на полати и, зевая и потягиваясь, развалился на них, положив руки под голову. Скоро и жена, погасив лучину, залезла на печь. Еще несколько минут слышно было, как она, позевывая и тяжело вздыхая, говорила:

— О Господи... Пресвятая Богородица... спаси и помилуй! О-ох, согрешили, грешные... А-а-ах!..

Позевали, повздыхали, и оба скоро заснули...

Может быть, не всякий читатель знает, что в России есть Обнищаловская волость, а в той волости есть деревня Сидорово, Сидоровы Козы — тож. Деревня подлинно существует... Жил-был в ней и наш Терентий Гуляк. В точности неизвестно, откуда произошло такое его прозвище, хотя всем хорошо известно, что ни Тереха, ни отец его, ни дед не гуляли больше прочих сидоровских мужиков. Впрочем, Тереха не такой великий человек, чтобы стоило заниматься его родословной...

Всю жизнь жил Тереха, перебиваясь кое-как, из кулька в рогожку. То градом весь хлеб у него прибьет, то скотина подохнет, а то в урожайные годы, бывало, торговцы-кулаки опустошат его хозяйство не хуже жучка или саранчи¹. Оттого-то и жилось ему плохо. Четыре года тому назад он продал последнюю корову, лошадка его еле ноги волочит, худа и тоща, как скелет; мыши, под страхом голодной смерти, давно уже разбежались из его амбара. Тереха не может собраться с силами избу поправить. Словом, всю жизнь его можно выразить в известном двустишии:

.....
¹ Выдавая крестьянину под будущий урожай ссуду деньгами или продуктами, кулаки заранее договаривались о предельно заниженной цене на зерно. В итоге урожайный год приносил крестьянину убытки, а торговцам, перепродававшим скупленный хлеб, — огромную прибыль.

Холодно, странничек, холодно!
Голодно, родименький, голодно...²

Жилось худо, но зато иногда чудесные сны снились Терехе. Один из таких снов пригрезился ему именно в ту ночь, о которой идет здесь рассказ...

Приснилось ему, что он умер... Умер и вдруг почувствовал себя таким легоньким, как пух. Он сам не знает, как выбрался из избы, поднялся на воздух и полетел — не сам собой, а так, словно бы какая-то невидимая сила понесла его. Был вечер. Смеркалось. Когда Тереха пролетал над Сидоровом, в избах кое-где зажигались огни. Он знал, что в последний раз смотрит теперь на эти красные, мигающие огоньки, на эти темные и низкие, словно пришибленные хаты, с серыми соломенными стрехами, на эти жалкие, как будто оципанные ветлы, на старые, поломанные плетни, на пустые поля, на межи, на луговины, с детства знакомые ему. Он знал, что в последний раз смотрит на все это, и зорко, пристально стал вглядываться сквозь сизый, вечерний сумрак в родимые места. Сильно билось его

.....
² Из поэмы Н.А. Некрасова «Коробейники», см. «Песня убогого странника».

сердце, как птичка, пойманная врасплох... Вот он видит, как бабушка Василиса тащится откуда-то с прялкой в свою хату. Дядя Егор лошадь на двор застает. Вон Алешка-целовальник стоит на пороге своего питейного, под зелеными еловыми ветками, привязанными к высокому шесту... Где-то ребятишки кричат... Но вот Сидорово осталось уже в стороне.

Тереха пролетал над церковью, над погостом. Высокая колокольня в серых сумерках казалась ему каким-то белым привидением. Эта убогая деревенская церковь, с темной, низенькой дверью, церковь, подернутая зеленоватым мхом и словно вросшая в землю, с истрескавшимися стенами, с полуразвалившейся кирпичной оградой и с большим серым камнем, лежащим у входа ее с незапамятных времен, давно уже знакома Терехе, с той самой поры, как он стал себя помнить. Это было давно, лет сорок тому назад... На этом самом сером камне он часто сиживал еще малым ребенком, когда, бывало, в праздник, в красный летний день приходил с отцом, с матерью к Николе, к обедне. А вон за церковью, в полуверсте, высокая лужайка. Здесь весной снег сходит рано, и земля скоро просыхает. Эта лужайка рано покрывается зеленой травой, рано украшается первовесенними желтыми цветочками. Жаворонок поет над

этою лужайкой... А во дни Светлой недели молодые парни и девушки сходятся туда гулять, играют, пляшут, поют песни. Тереха женихом также ходил сюда, на эту высокую лужайку, и здесь, на зеленой мураве, под сияющими весенними небесами, играл он со своей Маришкой. Здоровая, румяная девка была его Маришка, да и он в ту пору был парень «не оборыш»...

А теперь вон на погосте старый знакомый, Матвейч, могилу роет для него. Стараются старый... Вишь как! И шапку даже сбросил, чтобы не мешала, повесил на могильный крест. Старый из сил выбивается. Неровно ходит заступ в его усталой руке. С трудом выбрасывает Матвейч из ямы комья желтоватой глины. Тереха пристально всматривается в его морщинистое лицо с седыми нахмуренными бровями. «Добро! Комай, старина, хорошенько, рой глубже, рой! Скоро, гляди, и для тебя этот заступ понадобится... Рой глубже, рой, да смотри не иступи, не наделай на заступе зазубрин...» Так подумалось Терехе. А Матвейч оботрет рукой пот с лица и снова за работу, снова рассыпает по краям могилы комья желтоватой глины, а порой выкидывает заступом и белые человеческие кости... Наступает ночь.

Тереха летит все выше и выше. Земля исчезает... Прости, земля-матушка!.. Какие-то седые туманы, как бесконечные, безбрежные моря,

наступают, волнуются вокруг Тереха и непроницаемой серой дымкой застилают от него белый свет. Летел-летел Тереха и сам не знает, долго ли, коротко ли летел он и наконец прилетел на тот свет...

И вот поднимается он на гору. Гора каменистая, довольно крутая и высокая-высокая. Там, высоко, далеко, с вершины ее золотистое сияние разливается, какое бывает иногда на небе в тихий утренний час, на заре, перед солнечным восходом. Узенькая тропинка вьется, бежит по горе вверх, все выше, все дальше. «Экая большущая гора! Батюшки-светы!..» — с великим удивлением подумал Тереха, привыкший дотопе к глади и к широкому, открытому простору своих сидоровских полей и лугов и выдавший горы только на раскрашенных картинках, что висят на постоялом дворе у Левонтья. Загнув голову, Тереха посмотрел вверх и вдруг увидал, что перед ним, шагах в трех, по той же узкой, каменистой тропинке тихо, неслышно идет Божий ангел и как бы указывает ему дорогу. Ангел так легко идет по острым, режущим камням, как будто бы плывет, скользит по воздуху. С благоговением, но совершенно спокойно взглядывает на него Тереха. «Ну, что ж такое! Ведь я на том свете теперь», — думает Тереха и, не сводя глаз, смотрит на своего небесного спутника. Ангел как

ангел... На нем белая и легкая, развевающаяся одежда; за плечами у него два блестящих крыла необычайной, ослепительной белизны. У него светлые, словно сияющие волосы. На крутых поворотах тропинки Терехе удастся видеть его белый лик с легким румянцем, тонким и нежным, как отсвет зари. А глаза большие, голубые, светящиеся неземным огнем. «Мне уж где-то доводилось видать его! — размышлял Тереха. — Да! Вспомнил...»

Там у них, у Николы, по обеим сторонам церковных ворот устроены калитки. Одна из них заколочена наглухо, а другая служит для прохода богомольцев. На первой калитке масляными красками изображена смерть, отвратительный, желтый скелет, с голым черепом, с темными зияющими впадинами вместо глаз, с оскаленными зубами и с длинной косой в костлявой руке. На другой калитке был написан ангел, вот точь-в-точь такой, какой теперь шел перед Терехой. Еще мальчуганом Тереха был очень хорошо знаком с этими изображениями; часто и подолгу, бывало, смотрел он на них. Тогда ему казалось, что смерть улыбалась, улыбался и ангел, но от одной улыбки до другой было так же далеко, как от земли до неба. Смерть улыбалась зло-ехидно, как будто всех проходящих хотела съесть... А у того, у другого, в белом одеянии, кроткая,

спокойная улыбка играла на устах. Мальчугану очень нравился этот ангел... Сырость, дожди и зимняя непогода подпортили живопись на ка-литках; краска местами вовсе слиняла, местами истрескалась, облупилась... Но прежде, в детстве, Тереха не раз видал этого ангела во сне...

«Это он, ангел-хранитель...» — раздумывал Тереха, идя за своим вожатаем. Он слышал, что у всякого человека есть свой хранитель-ангел, что этот ангел-хранитель провожает человека после смерти на тот свет, не дает его в обиду нечистому, заступается за него перед Богом...

Долго Тереха поднимался за ангелом в гору. Наконец они поднялись очень высоко... Сияние, разливавшееся с вершины горы, казалось, приближалось к ним. Тереха тревожнее стал озираться по сторонам... И только тут в первый раз пришла ему в голову мысль: куда же это он идет?.. Что же он думал до сей поры? Где была у него голова?.. Жгучее беспокойство вдруг охватило его всего. Тереха не мог осилить своего беспокойства и нетерпения и тотчас же обратился за справками к своему небесному вожатаю.

— Ангел Божий! Куда эта тропинка идет? — спросил он.

— Она идет и в рай, и в ад! — тихим, ясным голосом ответил ангел, полуоборачиваясь к Терехе.